

РОССИЙСКОЕ ПРАВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК: 34.01

ББК: 67. X.

ЗНАЧЕНИЕ ИЕРАРХИИ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ ДЛЯ КОЛЛИЗИОННОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ*

И. Н. Васев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Современная практическая юриспруденция сталкивается с множеством трудностей, вызванных несогласованностью действующего законодательства. Разрешение коллизий норм разной юридической силы, коллизий общих и специальных норм, темпоральных (временных) коллизий составляет неотъемлемую часть деятельности правоприменителя. Особенно актуальна данная проблема в части столкновения правовых норм разной юридической силы. Иерархически устроенная правовая система предполагает внутреннюю координацию нормативно-правовых актов. Классическим принципом разрешения коллизий между нормативно-правовыми актами разной юридической силы является правило о приоритете нормы большей юридической силы. Однако внешняя простота данного правила осложняется применительно к России отсутствием легальной системы нормативно-правовых актов, а также принципом федерализма. Указанная иерархия формулируется усилиями теоретической науки. В статье обсуждаются и проблемные моменты использования иерархии нормативно-правовых актов в случае их коллизионного столкновения.

Ключевые слова: иерархия нормативно-правовых актов в России, коллизия норм права, коллизионное правовое регулирование, нормы международного права, принцип федерализма

THE IMPORTANCE OF THE HIERARCHY OF LEGAL ACTS FOR CONFLICT LAW ENFORCEMENT

I. N. Vasev

Altai State University (Barnaul, Russia)

Modern practical jurisprudence is faced with many difficulties caused by the inconsistency of the current legislation. The resolution of conflicts of norms of different legal force, collisions of general and special norms, temporal (temporary) collisions is an integral part of the law enforcer's activity. This problem is especially relevant in terms of the collision of legal norms of different legal force. A hierarchically arranged legal system presupposes internal coordination of legal acts. The classical principle of resolving conflicts between normative legal acts of different legal force is the rule on the priority of a norm of greater legal force. However, the external simplicity of this rule is complicated in relation to Russia by the lack of a legal system of legal acts, as well as the principle of federalism. This hierarchy is formulated by the efforts of theoretical science. The article also discusses the problematic aspects of using the hierarchy of legal acts in the event of their collision.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20–511–18002 «Иерархия и координация источников права в национальных правовых системах России и Болгарии».

Keywords: hierarchy of normative legal acts in Russia, conflict of laws, conflict of law regulation, norms of international law, principle of federalism

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2022\)1.1](https://doi.org/10.14258/ralj(2022)1.1)

Коллизионное правоприменение требует установления четкой системы-иерархии нормативно-правовых актов. Исходным принципом при построении такой системы неизменно выступает юридическая сила конкретного вида нормативно-правового акта. Система нормативно-правовых актов в России не имеет легального закрепления, что, в принципе, оправдано, так как возложение на законодателя труда по установлению такой системы означало бы стремление к формализации постоянно изменяющейся правовой жизни. Поэтому иерархия нормативно-правовых актов в России в зависимости от их юридической силы устанавливается усилиями теоретической науки. В настоящее время система нормативно-правовых актов в Российской Федерации представляется следующей:

1) *Конституция Российской Федерации*. Для дополнительного обоснования ее значения наука зачастую пользуется термином «Основной закон», однако такая практика не имеет под собой легального основания. Перед нами всего лишь доктринальная отсылка к немецкой правовой науке («Das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland»). Сама же Конституция РФ «Основным законом» себя не именуется.

Утверждение системообразующей роли Конституции РФ по отношению ко всей системе нормативно-правовых актов находит свое выражение в следующих ее положениях:

Ст. 15 Конституции РФ:

«1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации» [1].

Сама Конституция РФ прямо не отвечает на вопрос о (не-)однородности ее текста с точки зрения юридической силы. Формальный повод для усмотрения такой внутренней иерархии имеется (ч. 2 ст. 16 Конституции РФ). И даже Конституционный Суд РФ изначально давал повод рассуждать о неравносильности конституционных положений [2, 3]. Современная же теория права все более склоняется к той точке зрения, что текст Конституции РФ однороден в своей юридической силе [4] и нет оснований устанавливать внутреннюю иерархию положений Конституции РФ;

2) *общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора*. Согласно общераспространенной традиции, общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора занимают второе место в приводимой иерархии. Для обоснования такого взгляда на юридическую силу норм международного права традиционно избирается ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Однако такая точка зрения, будучи популярной в первые два десятилетия после принятия Конституции РФ 1993 г., в настоящее время не является более общепризнанной. Приоритетность норм международного права по отношению к национальному (исключая Конституцию) выводилась в свое время из одностороннего грамматического толкования ч. 4 ст. 15 Конституции. Вместе с тем в случае противоречия смысла, заложенного законодателем в словесную оболочку нормы права, с системным смыслом той же нормы, устанавливаемым за счет сопоставления ее со смежными по содержанию нормами, приоритет должен отдаваться системному смыслу. Иначе говоря, результаты грамматического толкования корректируются результатами системного толкования нормы. Именно поэтому дореволюционные юристы для обозначения системного толкования прибегали к термину «реальное толкование». Е. В. Васильковский указывал, что слова зачастую не могут передать волю законодателя без искажений, так как они сухи и не отражают всего смыслового контекста. Для устранения неточностей в понимании такой нормы и существует «реальный» способ толкования (современный системный, исторический, целевой и прочие способы в совокупности) [5].

А «реальный» смысл ч. 4 ст. 15 заключается в том, что она должна быть сопоставляема с положениями о суверенности Российского государства, с нормами о статусе Федерального Собрания РФ и иных высших органов государственной власти. Так, при поспешном признании приоритета норм международного права ч. 4 ст. 15 почему-то не соизмеряется с ч. 6 ст. 125 Конституции РФ.

Ч. 6 ст. 125 Конституции РФ:

«6. Акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению» [1].

Именно этими соображениями и была обусловлена поправка к ст. 79 Конституции РФ в 2020 г., которая в настоящее время гласит:

«Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации» [1].

Необходимо помнить, что норма международного права становится обязательной для Российской Федерации в случае ее ратификации Федеральным Собранием РФ. Указанная норма в случае ее ратификации предполагает ее изначальную согласованность с национальным законодательством. Если же между ними имеется рассогласованность, то возможны два варианта:

- национальное законодательство перед ратификацией нормы международного права приводится в соответствие этой норме, а потому при ратификации между ними отсутствуют содержательные коллизии [6, с. 58–61]. В таком случае норма международного права приобретает форму федерального закона о ратификации, а значит, проникает в тело национального права именно на уровне федеральных законов;
- норма международного права ратифицируется без предварительного приведения в соответствие с ней норм национального права. И здесь, казалось бы, в полной мере должна проявить себя ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Но столь поспешное признание за нормой международного права повышенной юридической силы порождает неразрешимые противоречия на практике. Так,

Ст. 34 «Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы» устанавливает:

«1. Пограничные представители совместно с компетентными властями в возможно короткие сроки проводят расследование в отношении лиц, нарушивших государственную границу, устанавливают их личность, факт и причины нарушения границы и осуществляют их передачу компетентным властям Стороны, с территории государства которой они нарушили границу, в течение 7 дней с момента задержания.

3. Если лицо, нарушившее границу, совершило на территории государства Стороны, компетентные власти которой его задержали, другие преступные деяния, эти компетентные власти могут в соответствии с законодательством своего государства задержать указанное лицо на срок, необходимый для расследования обстоятельств его преступных деяний» [7].

Иначе говоря, если лицо, незаконно пересекшее Государственную границу РФ, является гражданином КНР и не совершило иных преступлений (кроме незаконного пересечения Государственной границы РФ) на территории РФ, то оно подлежит передаче КНР.

Но Уголовный кодекс РФ в то же самое время в ст. 322 устанавливает уголовную ответственность за незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации. При этом ст. 1 Уголовного кодекса РФ недвусмысленно устанавливает:

Ст. 1 УК РФ «Уголовное законодательство Российской Федерации»:

«1. Уголовное законодательство Российской Федерации состоит из настоящего Кодекса. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в настоящий Кодекс».

И хотя бы в той же статье имелась общая отсылка к международному праву:

«2. Настоящий Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации и общепризнанных принципах и нормах международного права» [8], —

общего положения дел это не меняет.

Слепое применение нормы международного права в ущерб норме национального права означало бы постепенное разрушение всего здания суверенной национальной правовой системы. Поэтому перед нами не случай, подтверждающий буквальный смысл ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, а скорее пример крайне ошибочного, ненормального развития национального права, представляющий собой не норму, а отклонение от системного смысла Конституции РФ.

Своеобразное развертывание указанного проблемного вопроса наблюдалось в судебной практике и до принятия Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Конституционный Суд РФ 14 июля 2015 г. провозгласил знаковое Постановление № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»...». В нем указывается, что федеральный законодатель вправе предусмотреть *«не противоречащий юридической природе Конституционного Суда Российской Федерации и его предназначению как высшего судебного органа конституционного контроля специальный правовой механизм разрешения им вопроса о возможности или невозможности с точки зрения принципов верховенства и высшей юридической силы Конституции Российской Федерации исполнить вынесенное по жалобе против России постановление Европейского Суда по правам человека»* [9].

Таким образом, норма международного права ни в коем случае не может посягать на принцип суверенности национального государства, а потому включается в систему национального права через ратификацию и только в форме федерального закона. Значит, *общепризнанные принципы и нормы международного права, нормы международного договора с точки зрения юридической силы не занимают особого второго места непосредственно после Конституции РФ, а располагаются на уровне федеральных законов;*

3) *законы о поправках к Конституции РФ.* Их высокое положение обусловлено тем, что, по сути, они содержат в себе конституционный текст;

4) *федеральные конституционные законы РФ,* служащие непосредственному развитию положений Конституции. Они принимаются в случаях, прямо предусмотренных Конституцией, при соблюдении особого порядка принятия;

5) *федеральные законы РФ.* Как уже было отмечено выше, именно к этому уровню необходимо относить и нормы международного права.

В группе федеральных законов проблема осложняется наличием в ней кодексов и основ законодательства;

6) *указы Президента РФ;*

7) *постановления Правительства РФ;*

8) *нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти.* В практической области постоянно возникает проблема идентификации правовых актов, фактически содержащих в себе нормы права, но формально относимых к числу правоприменительных правовых актов. Высшие судебные инстанции РФ в настоящее время в своей практике все более склонны расценивать ненормативные по форме, но нормативные по существу правовые акты как нормативно-правовые акты [10, 11];

9) *конституции республик и уставы иных субъектов РФ.* На уровне субъекта РФ фактически повторяется система НПА федерального уровня. Основными НПА субъекта являются конституции и уставы, конституционная разница между ними является технической (конституции республик принимаются на республиканских референдумах);

10) *законы субъектов РФ.* В отдельных субъектах РФ предусмотрено усложнение системы их законодательства за счет конституционных (уставных) законов (согласно приводимому в научной литературе перечню, принятие таких «органических» законов предусмотрено в всего в семи субъектах Российской Федерации — республиках Саха (Якутия), Северная Осетия — Алания, Тыва, Ингушетия, Алтай, а также в Калининградской области и Красноярском крае. См.: [12]);

11) *акты органов исполнительной власти субъектов РФ;*

12) *акты органов местного самоуправления;*

13) *локальные нормативно-правовые акты.* Так, ст. 8 Трудового кодекса РФ, по сути, предоставляет всем работодателям (за исключением работодателей — физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями) право локального нормотворчества [13]. Однако столь широкое допущение локального нормотворчества вовсе не является общим правилом для иных отраслей российского права.

Так в общем виде может быть представлена иерархия нормативно-правовых актов в современной российской правовой системе. Предназначение такого расположения нормативно-правовых актов по юридической силе — в установлении их соподчиненности, когда при коллизии между ними

в качестве поведенческого образца избирается норма, закрепленная в акте большей юридической силы [14, с. 111–120].

Однако необходимо учитывать, что применительно к России на указанную систему значительное влияние оказывает принцип федерализма. Так, на вопрос, что выше по юридической силе: указ Президента РФ или Закон субъекта РФ, — не стоит давать поспешного ответа о большей юридической силе актов Президента РФ, так как они якобы занимают более высокое положение в ранее приведенной системе. Распределение предметов ведения и полномочий по трем группам (исключительного ведения РФ, совместного ведения, исключительного ведения субъектов РФ) предполагает, что акт федерального органа государственной власти не может, например, вмешиваться в предмет исключительного ведения субъекта РФ, и наоборот. Это означает, что в определенных условиях (ст. 73 Конституции РФ) закон субъекта РФ может подлежать приоритетному применению по отношению к указу Президента РФ. Это как минимум один пример, демонстрирующий условность ранее приведенной иерархии нормативно-правовых актов.

Проследим влияние принципа федерализма на понимание системы нормативно-правовых актов также на таком примере:

Решением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г. признан противоречащим федеральному законодательству, недействующим и не подлежащим применению со дня вступления решения в законную силу Закон г. Москвы от 7 декабря 2001 г. № 69 «О городском минимуме оплаты труда» на том основании, что установление минимума оплаты труда относится к компетенции федеральных органов законодательной власти. Московский городской суд указал: «В силу этого неправомерно установление и иного, хотя и превышающего установленный на федеральном уровне, минимума оплаты труда» [15].

На вопрос о том, может ли субъект Федерации в своем законодательстве повысить уровень прав и свобод человека и гражданина по сравнению с федеральным стандартом, если этот вопрос отнесен к исключительной компетенции Федерации, Московский городской суд справедливо ответил отрицательно; т. е. судебная практика пришла к выводу, что субъекты РФ могут повышать уровень прав свобод и гарантий лишь путем установления дополнительных прав, которые не предусмотрены федеральным законодательством. Не может нормативно-правовой акт субъекта РФ вторгаться в предметы ведения Федерации в целом ни при каких условиях.

Встречаются в правоприменительной практике и более сложные случаи иерархической коллизии. Так, в соответствии с Указом Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 (ред. от 25.02.2003) «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» устанавливается следующее субъективное право для многодетных семей:

«...бесплатное питание (завтраки и обеды) для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений за счет средств всеобщего и отчислений от их производственной деятельности и других внебюджетных отчислений» [16].

При этом механизм реализации этой нормы предусмотрен не был.

Одновременно с вышеуказанной нормой на территории Алтайского края действует Закон Алтайского края от 29 декабря 2006 г. № 148-ЗС «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае», которым предусматриваются:

«компенсационные выплаты на питание для учащихся общеобразовательных учреждений» [17], а также устанавливается механизм реализации указанного субъективного права.

Таким образом, перед нами коллизия нормы федерального уровня (но не обеспеченной механизмом ее реализации) и нормы уровня субъекта РФ (обеспеченной механизмом реализации). Практика, по-видимому, пошла по пути придания приоритета второй норме и исключения действия нормы федерального уровня в силу ее «мертворожденности». Но такая позиция противоречит пусть не «букве», но «духу» ст. 76 Конституции РФ, предполагающей по вопросам совместного ведения приоритетность федеральных нормативно-правовых актов. А потому Закон Алтайского края ни в коем случае не может осуществить замену одного субъективного права (пусть и нереализуемого) на другое; он может лишь осуществить дополнительное правовое регулирование, что, собственно, отражено и в наименовании Закона Алтайского края.

Итак, для разрешения коллизии норм разной юридической силы принципиально важным является местоположение актов, в которых содержатся указанные нормы, в иерархии нормативно-право-

вых актов. По установлении их местоположения следует руководствоваться правилом: *акт большей юридической силы приоритетен по отношению к акту меньшей юридической силы*.

Но вновь заметим, что речь идет именно о системе нормативно-правовых актов. В правовых системах, допускающих широкое применение иных источников права (правовой обычай, судебный прецедент, правовая доктрина, и пр.) для применения указанного правила необходимо будет установить характер взаимоотношения между этими источниками.

Коллизионное правило об актах разной юридической силы обладает наибольшим «удельным весом». Оно подчиняет себе как правило об общей и специальной норме, так и правила разрешения темпоральных (временных) коллизий. Например, если в коллизию вступят старая норма меньшей юридической силы, но сформулированная по типу специально, и новая общая норма большей юридической силы, то первенством будет пользоваться норма большей юридической силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 15 октября 1993 г. № 1633 «О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации» в части утверждения Положения о всенародном голосовании по проекту Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 года: Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.1996 № 13-О // СПС «КонсультантПлюс».

3. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Государственной Думы Федерального Собрания о толковании положений статьи 80 и части 2 статьи 95 Конституции Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.1995 № 137-О // СПС «КонсультантПлюс».

4. Петров А. А. Внутренняя согласованность действующей Конституции РФ и спорные вопросы преодоления коллизий в праве. URL: <https://www.academia.edu/37972843> (дата обращения: 09.12.2020).

5. Васковский Е. В. Руководство к толкованию и применению законов: для начинающих юристов. М.: Бр. Башмаковы, 1913. 158 с.

6. Хисамов Э. Р. К вопросу о месте федеральных законов о ратификации в иерархии нормативных актов Российской Федерации // Современная наука. 2010. № 3. С. 58–61.

7. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о режиме российско-китайской государственной границы (заключено в г. Пекине 09.11.2006, вступило в силу 08.04.2007) // Бюллетень международных договоров. 2007. № 5. С. 40–78.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Российская газета. 2015. № 163.

10. По жалобе гражданина Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 251 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 02.03.2006 № 58-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2006. № 4.

11. Решение Верховного Суда РФ от 18.06.1998 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1998. № 12. С. 7.
12. Ульихин В. С. Особые законы субъектов Российской Федерации: возможная конституционно-правовая трактовка // Сибирский юридический вестник. 2014. № 2. С. 32–38.
13. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.04.2015, с изм. от 02.05.2015) // Российская газета. 2001. № 256.
14. Петренко, Д. С. О принципе верховенства закона: противоречия между законами и подзаконными нормативными актами на примере норм, регулирующих оборот биологически активных добавок // Вестник Международного института экономики и права. 2011. № 2 (3). С. 111–120.
15. Решение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 5 июня 2002 г. URL: <http://www.alppp.ru/law/trud-i-zanjatost-naselenija/trud/90/reshenie-moskovskogo-gorodskogo-suda-ot-05-06-2002-3-2502002.pdf> (дата обращения: 23.06.2015).
16. О мерах по социальной поддержке многодетных семей: Указ Президента РФ от 05.05.1992 № 431 (ред. от 25.02.2003) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Закон Алтайского края от 29.12.2006 № 148-ЗС «О дополнительных мерах социальной поддержки многодетных семей в Алтайском крае» (ред. от 31.12.2013) // Алтайская правда. 2007. № 8–9.

УДК 34.096
ББК 67.404.33

ТЕХНОЛОГИИ ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А. А. Горохов

АНО «Лаборатория гуманитарных проектов» (Москва, Россия)

И. М. Щербakov

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Е. А. Дибров

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

В современном мире одним из важных направлений цифровой трансформации является развитие технологий Интернета вещей (IoT). На сегодняшний день несмотря на то, что технология является инновационной на территории Российской Федерации, в общемировой практике она применяется для интенсификации процессов: от природоохранной деятельности, до промышленных и трудовых процессов. В контексте достижения и реализации на практике Целей устойчивого развития, принятых ООН, технологии Интернета вещей способствуют их осуществлению в таких сферах, как экология и защита окружающей среды, социальная интеграция и ликвидация неравенства. В России применение технологий Интернета вещей происходит двойственно: с одной стороны, существуют правовые коллизии имплементации новых регуляторных норм в текущее законодательство нашей страны. С другой стороны, в области практики проявляется проблема опережения технологии и ее применения законодательных инструментов, которые должны регулировать данную сферу деятельности. Тем не менее применение подобных технических усовершенствований влечет за собой возникновение проблем морально-нравственного содержания, связанных с гарантией основных прав и свобод человека и гражданина, принятых также на уровне ООН и вносящих важные коррективы в базовые социально-гуманитарные сферы жизни.

Ключевые слова: технологии Интернета вещей, Цели устойчивого развития, цифровые технологии, природоохранная деятельность, промышленные технологии IoT